

Архивные материалы и публикации

УДК 82-1

DOI 10.25205/2410-7883-2019-1-172-198

Е. В. Капинос¹, Е. Э. Худницкая¹, А. В. Ульверт²

¹ *Институт филологии СО РАН
Новосибирск*

² *Независимый исследователь
Красноярск*

Нина Аркадина (А. К. Фефелова) Стихотворения 1910–1920-х годов (по материалам сибирской прессы) *

Публикация представляет подборку стихотворений забытой сибирской поэтессы Анны Константиновны Фефеловой, которая под псевдонимом Н. Аркадина или Нина Аркадина печаталась в 1910–1920-х гг. в газетах и журналах «Голос Приуралья» (Челябинск), «Сибирский рассвет» (Барнаул), «Сибирская жизнь» (Томск), «Сибирский студент» (Томск), «Единство» (Петропавловск), «Наша заря» (Омск), «Красноярский рабочий». Выборка сделана по изданиям, хранящимся в архивах и библиотеках Сибири, и включает в себя около 40 текстов различной тематики. В предисловии дается краткая справка о биографии Фефеловой, более подробно биография поэтессы пока не изучена, но исследования в этом направлении ведутся в Красноярском краевом краеведческом музее. Пейзажная, медитативная и социальная (народническая) лирика Аркадиной, собранная здесь, продолжает традиции Некрасова и русской классики XIX в.

Ключевые слова: забытые поэты, поэты 1910–1920-х годов, Нина Аркадина (Анна Константиновна Фефелова), сибирская периодика, Красноярский краевой краеведческий музей.

Предисловие

Публикуется подборка стихотворений забытой сибирской поэтессы Анны Константиновны Фефеловой. Ее стихи печатались в 1910–1920-х гг. в газетах

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Новосибирской области в рамках проекта № 18-412-540003 «“Паралипоменон” сибирской литературы XX века в архивах и книжных собраниях Новосибирской области».

Благодарим И. Е. Лощилова за помощь в подготовке публикации.

Капинос Елена Владимировна – доктор филологических наук, Институт филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия, dzerv@mail.ru)

Худницкая Елена Эдуардовна – кандидат филологических наук, Институт филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия, Ekhudnitskaya@list.ru)

Ульверт Александр Викторович – независимый исследователь (Красноярск, Россия, ulvert1978@gmail.com)

и журналах «Голос Приуралья» (Челябинск), «Сибирский рассвет» (Барнаул), «Сибирская жизнь» (Томск), «Сибирский студент» (Томск), «Единство» (Петропавловск), «Наша заря» (Омск), «Красноярский рабочий» под псевдонимом Н. Аркадина или Нина Аркадина. Некоторые из этих изданий хранятся в архивах и библиотеках Сибири, по ним мы и подготовили эту подборку. Известны также столичные публикации Аркадиной: несколько стихотворений вошли в петроградский литературно-художественный альманах «Пробуждение» (1915 г.). При жизни поэтессы не было издано ни одной отдельной книги ее стихов, хотя, возможно, такую книгу, снабженную биографическим очерком, было бы интересно выпустить сейчас, и предлагаемая публикация могла бы лечь в ее основу.

Биография Н. Аркадиной (А. К. Фефеловой) пунктирно восстанавливается по интернет-материалам сайта «Открытый список»¹ и нескольким скупым библиографическим справкам [Здобнов, 1927, с. 11; Петряев, 1973, с. 7]: родилась в 1889 г. в Кургане, в семье священника, училась в гимназии, до революции состояла в партии эсеров, а позже, с 1919 по 1935 г. – в ВКП(б). 27 апреля 1935 г. была арестована по обвинению в контрреволюционной деятельности, восемь лет провела в лагерях (три – в Карлаге и еще пять – в Мариинских), в 1957-м реабилитирована, умерла в 1960-х (точная дата смерти нам неизвестна). В момент ареста А. К. Фефелова заведовала отделом революции Красноярского краеведческого музея, ее называют также одной из хозяек «Музеянки» – избушки, построенной на Красноярских Столбах работниками Краеведческого музея². По свидетельству сибирских краеведов, с конца XIX в. на Столбах собиралась революционно настроенная молодежь, проводились нелегальные собрания и митинги, скалы помогали скрываться беглым каторжникам, а в советское время, с 1925 г., было решено превратить Столбы в государственный заповедник³. Постепенно в среде «столбистов» стали образовываться неформальные объединения: прежде всего, спортсменов-скалолазов, а также интеллектуалов, склонных к отъединенной от социума жизни⁴. Столбисты строили для себя избушки, наподобие охотничьих, каждая из них имела свое название. «“Музеянка” считалась избой, в которой, по объяснениям одних, жили работники краевого музея, по объяснениям других, – творческая интеллигенция, “люди искусства”, которых “посещала Муза”» [Подберезкина, 1989, с. 89].

Как и многие из поколения 1890–1900-х гг., Н. Аркадина (А. К. Фефелова) писала стихи и вела дневник, создавая свою версию истории 1920–1930-х гг., свидетелем которой она была (фрагменты этого дневника Красноярский краевой краеведческий музей в настоящее время готовит к печати). Будучи сотрудником музея, она старалась сохранить в качестве важных документов эпохи дневники свидетелей и участников Гражданской войны в Сибири, благодаря ей сохранились выписки из дневника штабс-капитана В. В. Зверева, описавшего свержение большевистского Совета в Красноярске и захват бежавших большевиков⁵.

---

¹ <https://ru.openlist.wiki/>

² Музеянка // Красноярские столбы. URL: <http://www.stolby.ru/sob/192502.asp> (дата обращения 10.07.2019).

³ Бабий А. А. Музеянка // Бабий А. А. Без страховки. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/KP/2/076.htm> (дата обращения 10.07.2019).

⁴ Нелидовка. Выставка о репрессированных столбистах. Виртуальная версия // Красноярские столбы. URL: <http://stolby.ru/Mat/Babiy/Nelidovka/03.asp> (дата обращения 10.07.2019).

⁵ Шекшеев А. «Город ожил, Совет бежал, появилась новая власть...» // Библиотека сибирского краеведения. URL: <http://bsk.nios.ru/content/gorod-ozhil-sovet-bezhal-poyavilas-novaya-vlast> (дата обращения 10.07.2019).

После ареста Фефеловой в документах НКВД были сделаны такие записи: «Контрреволюционная деятельность Фефеловой выразилась в том, что путем контрреволюционного монтажа экспонатов отделов музея – капитализма, партизанского отдела и отдела революции, открыто пропагандировала антиленинское толкование капитализма, показывая жизнь купцов, фабрикантов, помещиков и кулаков, не отражая гнет и эксплуатацию рабочего класса при царском строе. Партизанское движение в партизанском отделе музея представлено рядом воззваний колчаковского генерала Миневича и эсеровскими портретами Зиневича, Кулькова и других, которые отображены как пламенные борцы за демократию, без всяких разоблачительных надписей сущности эсеровской и колчаковской реакции в годы гражданской войны; руководящая роль ВКП(б) в партизанском движении не показана»⁶.

Однако творчество Нины Аркадиной, судя по до- и послереволюционным публикациям, свидетельствует о том, что одной из самых серьезных тем для нее была как раз тема сочувствия революции. Поэтесса страстно любила поэзию Н. А. Некрасова и следовала его традиции бескорыстной любви к народу, в ее стихах развиваются народнические идеи вместе с верой в высокое предназначение народа, сострадания ему и готовности бороться за его свободу. Приведем отрывок из стихотворения «Ленский расстрел», напечатанного в 85 номере «Красноярского рабочего» за 1922 г., где отношение Аркадиной к революции выражено ясно и эмоционально:

Кто смеет говорить о примирении?
Кто смеет говорить о соглашательстве?
Смерть изнемогших в лишениях –
Лучшее для нас доказательство.
Шли они с сердцами открытыми,
Шли они тихо, безоружные,
Шли голодные говорить с сытыми,
Юные и старые, бодрые и недужные. <...>

Не может быть мира, не мыслимо соглашение
Между врагами, Трудом и Капиталом.
Вечная память погибшим на Лене!
Да здравствует борьба под знаменем алым!

Неизменная топка поэзии Аркадиной 1910–1920-х гг.: «наш труд велик», «трудись, не жди себе награды», «тяжелый рабский труд, лишенья и нужда», «тот, кто много вынес и познал страданья», «их гордое сердце в крови», «Грозой разбиты рабства цепи» и т. д.

Не только Некрасов, но и русская классика начала XIX в. служит канвой для поэзии Аркадиной. По мотивам элегии Лермонтова «Как часто пестрою толпою окружен...» написано стихотворение «Маскарад» (1918). Элегическая лексика составляет основу ее поэтики, а из более современных интонаций она отчетливее всего пытается повторить, пожалуй, Бальмонта. «Бальмонтотские» мотивы снов, сказок, распространенные в начале XX в. в поэзии второго ряда, характерны для лирики Аркадиной. Но прежде всего ее стихи наследуют XIX веку. Ностальгия по классике прочитывается и в псевдониме поэтессы – Нина Аркадина, контаминирующем двух героинь чеховской «Чайки», и в написанных ею лирических

⁶ Фефелова Анна Константиновна // Открытый список. URL: [https://ru.openlist.wiki/%D0%A4%D0%B5%D1%84%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%90%D0%BD%D0%BD%D0%B0_%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%B0_\(1889\)_\(дата_обращения_10.07.2019\)](https://ru.openlist.wiki/%D0%A4%D0%B5%D1%84%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%90%D0%BD%D0%BD%D0%B0_%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%B0_(1889)_(дата_обращения_10.07.2019)).

портретах писателей-классиков (стихотворение «Памяти И. С. Тургенева» (1918) представлено в нашей подборке). Возможно, чеховский псевдоним Н. Аркадина повлиял на А. Сорокина, дважды напечатавшего под именем Константина Треплева в «Сибирских записках» и «Северных записках» рассказ («эскиз») «Чукча Коплянто Анадырский»⁷. По-видимому, Н. Аркадина была довольно известной фигурой в среде сибирских литераторов, во всяком случае в предисловии к изданной книге стихов Кондратия Худякова она упоминается наряду с Вс. Ивановым, Михаилом Голодным, Иваном Малютиным⁸.

Среди излюбленных лирических жанров поэтессы следует назвать пейзажи. Это пейзажи северные, сибирские:

Красавцы тополя с черемухой томной
Переплели свои серебристые листья.
И группой странно, причудливой и темной
Раскинулись внизу смородины кусты. <...>

Нарушив тишину, на мир блеснув огнями,
Близ берега прошел буксирный пароход,
И снова все молчит. Лишь легкими волнами
Вдыхает тихо грудь спокойных, темных вод.
(«Ночь на острове Оби»)

Над водой кусты черемухи, хмель на ветках перевит,
Запах тины, хмеля спелого сладко голову кружит.
Иль сосенка одинокая, а над нею ширь небес,
Иль заснувший в грезах прошлого, необъятный, темный лес. <...>

Там на юге пальмы, кактусы, раздушистые кусты –
У моей холодной родины есть прекрасные цветы:
Есть в лесах сосновых ирисы, золотые огоньки,
Даже ночью словно светятся эти яркие цветы.
(«Юг и Север»)

Несмотря на то, что обычно содержание стихов Фефеловой укладывается в рамки ограниченного круга традиционной поэтической лексики, в них можно обнаружить редкие и трогательные детали, вещи, которых обычно поэзия не замечает. В некоторых стихотворениях лирическая героиня изображена за рукоде-лем: «Работать силы нет. Игла из рук упала...» («Открыла я окно. Повеяла прохлада...»), «В праздничный день, наклонясь над машиной, / Шью торопливо...» («За работой»); известно, что Фефелова зарабатывала шитьем, но в стихотворном тексте, в совмещении с другими лирическими темами атрибуты шитья – иголки, машинка – становятся живыми подробностями женского портрета.

Что касается техники стиха, то здесь она не оригинальна, следуя устоявшимся к началу XX в. и «ушедшим в народ» образцам. Характерно обилие точных и бедных рифм, использование частотных размеров (5–6-стопные ямбы, некрасовские трехсложники), простая строфика. Во многих текстах видна тщательная работа с повторами. В ранних стихотворениях поэтесса замкнута в узком кругу устойчивой лексики, и нередко одно стихотворение кажется продолжением другого, даже если оно в ином ритме: «...жажда воли, жажда света...» («Открыла я окно...»), «Гляжу вперед в загадочную даль, / Где свет и воля...». («Нет выхода...»), «Сча-

⁷ Подробнее об этом см.: Лоцилов И. Е., Прохоров К. А. Антон Сорокин, плагиат и авторские конвенции: к истории рассказа «Кукча Коплянто Анадырский» // *Dzieło artystyczne jako gra z konwencjami*. Художественное произведение как игра с конвенциями. Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego, 2019. S. 267–289 (в печати).

⁸ ГАНО. Ф. Р-272 [Н. Н. Яновский]. Оп. 1. Д. 347. Л. 3.

ствия мне дайте и воли. / Жить я хочу и любить...» («Счастья! Хотя бы за это...»), и т. п. Но иногда тематическое и лексическое однообразие интересно обыгрывается и возводится тем самым в статус приема. Так, в стихотворении «За работой», изображающем порывы ветра, уносящегося и возвращающегося вновь, «возвращаются», повторяясь, одни и те же слова и словосочетания: «Тучи несутся, клубясь в вышине» / «Тучи плывут вереницею мгlistой», «Гнет до земли серебристый ковыль» / «До земли гнется ковыль серебристый», «Ветер свободный кружит над полями <...> Мимо меня пролетит, напевая» / «Ветер поет и рыдает в степях» / «Ветер поет над широкой равниной». Очень часто повторяются рифмы. Например, все нечетные строки стихотворения «На заре вечерней» заканчиваются одной и той же (вполне стандартной) рифмой – *березы / слезы*, и она становится лейтмотивом; в стихотворении «Нет выхода...» в три из четырех четверостиший включена банальная рифма *даль / печаль*, причем в разных грамматических вариантах: *даль / печаль*, *дали / печали*; тот же прием в «Вечере», где четыре четверостишия объединяет рифма со словом «река»: *облака / река*, *реки / тоски*, *голубой / рекой*, *облака / река*, причем рифмическая пара первой строфы точно повторена в последней.

Такие простые повторы делают стихотворения Аркадиной похожими на тексты, которые пишутся для детей, притом что темы ее поэзии – серьезные и часто трагические. Элегическое слово «печаль» – одно из самых частотных в ее поэзии, ее муза и воспринималась современниками и читателями как муза плача, тоски, при этом мажорные ноты ее гимнов труду и народу вполне гармонично сочетаются, как и в поэзии Некрасова, с трагическими лирическими темами.

Публикуемая здесь подборка насчитывает почти четыре десятка очень разных по тематике стихотворений: здесь и лирические миниатюры, и пейзажные зарисовки и народничество в духе Некрасова, более или менее полно представляющие поэтический мир и стиль забытой сибирской поэтессы.

Завершая публикацию стихотворений поэтессы (приведенных к соответствию современным нормам орфографии и пунктуации), мы напечатали стихотворение, которое ей не принадлежит, но обращено к ней. Оно написано ее земляком, курганским поэтом Кондратием Худяковым. Горе и слезы – основные мотивы, которыми он характеризует поэтессу:

Посмотри, как месяц
Тихо всплыл над миром! –
Ты все горько плачешь
И грустишь по милом⁹...

Было бы хорошо рассмотреть стихи Аркадиной на фоне ее сложной, полной драматизма биографии. Но она, к сожалению, пока еще не написана.

---

⁹ См.: ГАНО. Ф. Р-272 [Н. Н. Яновский]. Оп. 1. Д. 347. Л. 41. Это стихотворение К. Худякова было включено в сборник «Красные цветы» (1918), подготовленный автором, но не вышедший в свет. В настоящее время машинопись «Красных цветов» хранится в фонде Н. Н. Яновского в Государственном архиве Новосибирской области. Во вступительной статье шадринского краеведа и лингвиста В. П. Тимофеева сообщается, что посвященное Аркадиной стихотворение было вклеено в тетрадь стихотворений Худякова в виде вырезки: «Н. Аркадиной “Разве ты не чуешь”, 26. После второй строфы написана цифра 3000. Что это, строк? На обороте вырезки просматривается текст: “Курган, типография рабочих”». См.: ГАНО. Ф. Р-272 [Н. Н. Яновский]. Оп. 1. Д. 347. Л. 80.

Стихотворения 1910–1920-х годов

* * *

Открыла я окно. Повеяла прохлада,
Просторней стало в комнатке моей.
Букет степных цветов волною аромата
Напомнил мне простор родных полей.
Работать силы нет. Игла из рук упала,
Заныло сердце, заболела грудь.
Мечта забытая опять желанной стала...
О, если б волю прежнюю вернуть!
Нужда проклятая! Работа без просвета,
Нет отдыха от вечного труда,
А в сердце – жажда воли, жажда света...
Когда ж конец мученьям? О, когда?
(Сибирская жизнь¹⁰. 1911. № 80, 10 апр. С. 3)

* * *

Не говорите мне о солнечных лучах:
Не нам оно их шлет с лазурной высоты,
Здесь в наших темных и сырых норах,
Здесь царство вечное глубокой темноты.
Не говорите мне о теплых майских днях –
Мы не видали их, нам краски их чужды,
Нам близок и знаком щемящий душу страх,
Страх новых дней, лишений и нужды.
Не говорите мне о песне соловья –
Другие птицы здесь и песни здесь не те,
Здесь голод и тоска, оковами звеня,
Поют унылый гимн царице-нищете.
Не говорите мне о радостях любви –
Любовь знакома нам – но радостей в ней нет.
Несет она тоску и слез, и горя дни
И на душу кладет неизгладимый след...
Не говорите, нет! Все ваши фразы ложны,
Вы не жили как мы, не знаете вы нас,
Наш труд велик, а радости ничтожны,
Страдаем мы весь век, счастливы только час.
(Сибирская жизнь. 1911. № 80, 10 апр. С. 3)

ЗА РАБОТОЙ

В праздничный день, наклонясь над машиной,
Шью торопливо. И будто во сне
Грезится мне – над широкой равниной
Тучи несутся, клубясь в вышине;

---

¹⁰ «Сибирская жизнь» – газета, «политическая, литературная и экономическая», Томск, издавалась в период с 1894 по 1919 г.

Ветер свободный шумит над полями,
Гнет до земли серебристый ковыль,
В рощу влетит, поиграет ветвями,
Вихрем поднимет дорожную пыль,

Мимо меня пролетит, напевая,
Снова вернется и шепчет, смеясь:
«Вот она, вольная воля степная!»
И унесется, куда-то стремясь...

До земли гнется ковыль серебристый,
Ветер поет и рыдает в степях,
Тучи плывут вереницею мгlistой,
Шорох и шум, и шептанье в кустах.

Ветер поет над широкой равниной
Песню про волю, про светлую даль.
Нет, это – грезы... Я шью за машиной;
В теле усталость, на сердце печаль.
(Сибирская жизнь. 1911. № 180, 14 авг. С. 3)

* * *

Тот, кто много вынес и познал страданья,
Тот, кто свято верил и умел любить,
У кого есть в сердце луч воспоминанья, –
Может и во мраке будних дней прожить.

Не заглохнут в сердце светлые стремленья,
Прошлое не даст им навсегда уснуть,
Прошлое, источник вечный вдохновенья,
Разогреет горем скованную грудь.
(Сибирская жизнь. 1911. № 180, 14 авг. С. 3)

ВЕЧЕР

Умирающий день расцвел облака,
Ветерок пролетел над кустами,
Шепчет тихую нежную сказку река,
Набегая на берег волнами.

И, внимая задумчивой сказке реки,
Задремала плакучая ива,
И, полна безотчетной любви и тоски,
Наклонилась к воде сиротливо.

Загораются звезды в дали голубой,
Отражаясь в волнах огоньками.
Льется тихая песня вдали за рекой
И тоскливо звенит над полями.

Всё – родное душе: в вышине облака
И печальная нежная ива,

И та сказка, что шепчет лениво река,
И напев отдаленный тоскливый.
(Сибирская жизнь. 1911. № 185, 21 авг. С. 3)

НОЧЬ

Мир уснул, мир забыл о тревогах дневных –
Воцарилась вокруг тишина...
Льет потоки лучей среди звезд золотых
И бледна и печальна луна.

В очарованном сне позабылись кусты,
Грезит яркими грезами каждый листок,
Притаились, закрылись, заснули цветы,
Задремал говорливый поток.

Только стон не смолкает, мучительный стон,
Полный горя, тоски и тревог;
Воздух едкою влагою слез напоен,
И отравлен ночной ветерок.

Это слезы и стоны людской нищеты,
Это плач беззащитных детей,
И в прекрасную ночь среди чар красоты
Безотрадные звуки слышней.
(Сибирская жизнь. 1911. № 207, 20 сент. С. 4)

НЕТ ВЫХОДА...

Нет выхода. Мучительно тоскую,
Гляжу вперед, в загадочную даль,
Где свет и воля. Душу молодую
Гнетет бездействие и горькая печаль.

Нет выхода. Но голубеют дали
И манят, и зовут в сверкающий простор,
И кажется, что там нет места для печали,
Что там светло и все ласкает взор.

Но тесен круг и замкнут неизбежно.
Куда идти? Стена вокруг... стена...
За нею дали голубеют нежно,
За ними свет и счастье, и весна.

Гнетет тоска. Жаль силу молодую,
Несбывшихся надежд на счастье жаль.
Нет выхода... мучительно тоскую,
И манит свет, и голубеет даль.
(Сибирская жизнь. 1911. № 207, 20 сент. С. 4)

ИЗ ПЕСЕН ТРУДА

Ясен солнечный день. Облака в вышине
Проплывают жемчужной грядюю.
Этот солнечный день – возвращенье к весне
С нежным светом и светлой мечтою.

Но тоскует душа. В этот радостный день
Мысль о смерти грозит и пугает,
И, бросая на все безотрадную тень,
Сиротливое сердце сжимает...

Жизнь ушла без любви, без чарующих грез,
За постылым трудом без просвета,
С вечным горем и мукою сдержанных слез,
С тщетной жаждою ласк и привета...
(Сибирская жизнь. 1911. № 212, 25 сент. С. 3)

* * *

Кто осудил меня на горе без отрады,
На вечный тяжкий труд, бесплодные мечты?
Кто мне сказал: трудись, не жди себе награды,
Влачи всю жизнь свою оковы нищеты?

Кто осудил меня на горькие сомненья
И в пище отказал пыгливому уму?
Кто отдал мне в удел тяжелые лишения,
Насмешки праздных бар и нищего суму?

Я силы чувствую, но мне сковали руки
Тяжелый рабский труд, лишения и нужда,
И жжет меня огнем невыносимой муки
Сознание ужаса, бессилья и стыда...
(Сибирская жизнь. 1911. № 212, 25 сент. С. 3)

СОН

Изрытый склон. Иду я без дороги
Все вверх, туда, где светит огонек.
В густой крови израненные ноги,
И сердце бьется в грудь, как молоток.
Иду давно. О, как трудна дорога!
Здесь пропасть, там скала. Тропинок нет следа.
В груди растет знакомая тревога:
Ужель конца пути не будет никогда?
Как много я прошла? И много ли осталось?
И оглянулась я, остановясь на миг,
Тоской и страхом сердце больно сжалось,
И с бледных губ сорвался слабый крик:
Там было море, слез и крови море,
И трупы плавали, по гребням волн скользя.
Я их узнала всех. О горе, горе!

Все близкие мои, товарищи, друзья...
Я плакала с мучительной тоскою,
Но встала смерть над трупами, грозя
Своей костлявой, мертвою рукою, –
И плыли те, по гребням волн скользя.
Я плакала, а волны поднимались
Мрачней, грозней. А трупы по волнам
Ко мне все ближе, ближе подвигались,
Как бы за тем, чтоб лечь к моим ногам.
Я плакала. И с каждою слезою
На море новый грозный вал вставал.
Из ног моих сочилась кровь струею
И пеною ложилась по волнам...
Все выше, выше волны поднимались.
Вот вал, коснулся ног, и зол, и дик...
Хотела я бежать. Но ноги оставались
Недвижны, как в цепях... В последний миг,
Когда я вся была во власти вала,
Утес увидела я голый пред собой.
И бросилась к нему. Как сил достало! –
Я на вершине дикой и пустой:
Вокруг бушует слез и крови море,
И трупы милых, дорогих друзей
Скитаются в бушующем просторе,
И смерть грозит сухой рукой своей.
А вдалеке, за снежною вершиной,
Горит заветный луч ясней, светлей...
Прикована я жуткою картиной, –
Слеза отчаянья сбегает из очей.
И с каждою слезой все выше море,
Все меньше места на утесе том...
Конец, конец!.. Пучина слез и горя
Поглотит все. Усну последним сном.
(Сибирская жизнь. 1912. № 6, 8 янв. С. 4)

* * *

Счастье – дело наших рук, –
Мы его куем.
Смолкни горя скорбный звук,
В сумраке ночном.

Добрый друг мой, посмотри:
Между темных туч
Занимается зари
Животворный луч.

Сердце, – верь мечтам своим,
Вспыхни, мысль, огнем!
Милый друг, мы победим,
Счастье мы скуем!

(Сибирская жизнь. 1912. № 69, 25 марта. С. 4)

* * *

Я умру, и с последним, оборванным стоном
Улетят в небеса грезы сердца несмелые.
В этот миг переливным, торжественным звоном
Прозвонят колокольчики белые...

Я уйду от земли с нерассказанной сказкой –
С непропетою песней о счастье страдания,
Нерастроченной силой, неотданной лаской –
С неразгаданной тайной больного молчания.

И, прощаясь зарею с немym небосклоном,
Бросит солнце лучи на могилу печальную.
А в ответ прозвонят нежно-ласковым звоном
Колокольчики песню прощальную...

(Сибирская жизнь. 1912. № 69, 25 марта. С. 4)

* * *

Умирают в небе бледном
Нежно розовые краски.
Проплывают, изменяясь,
Облаков немые маски.

Гиацинт, склоняясь томно,
Разливает ароматы.
Вьется с песней переливной
Над землей певец крылатый.

Крылья, крылья дай мне, Муза, –
Я с воздушным хороводом
Закружусь в безумной пляске
Под лазурным небосводом!

(Сибирская жизнь. 1912. № 146, 1 июля. С. 4)

* * *

Счастья! Хотя бы за это
Жизнью потом заплатить.
Воздуха, воли и света!
Жить мне, о дайте мне жить.

Счастья мне дайте и воли.
Жить я хочу и любить.
Страшно, обидно до боли
Век нелюбимой прожить.

Жду я привета и ласки,
Нежных и огненных слов,
Чудной, сверкающей сказки,
Светлых, заманчивых снов.

Жажду я яркого света,
Воли без стен и преград.
Песен, душистого лета,
Сердцем забытых отрад...
(Сибирская жизнь. 1912. № 158, 15 июля. С. 4)

* * *

Если б счастье ко мне постучалось с улыбкой,
Перед ним бы я плотно захлопнула дверь.
Нет, я знаю, ко мне забрело ты ошибкой,
Мне не надобно более счастья теперь.
Жизнь моя проходила средь вечного шума
И бессмысленной спешки толпы городской.
Слишком рано холодная, тяжкая дума
Отравила мне сердце щемящей тоской.
И в моих волосах седина промелькнула,
Затуманились ясные прежде глаза,
Горделивую волю забота погнула,
И здоровье, и силу сломила гроза.
Говорят, будто счастье приходит весною,
Ярким солнечным утром в венке из цветов
Только к сильным и смелым душой молодойю,
К тем, кто верит обману несбыточных снов.
Я на юность гляжу с безотрадной улыбкой,
Ни надежде, ни грезам не верю теперь.
Если б счастье ко мне постучалось ошибкой,
Перед ним бы я плотно захлопнула дверь.
(Сибирская жизнь. 1913. № 31, 7 февр. С. 3)

НА ЗАРЕ ВЕЧЕРНЕЙ

На заре вечерней молятся березы,
Тихий, нежный шепот рвется к небесам,
И росой алмазной пролитые слезы
Искрятся и блещут ярко по листьям.

На заре вечерней молятся березы,
Молятся о чуде, страстно просят – жить.
О движенье вольном их святые слезы,
Хочется им бегать, петь и говорить.

На заре вечерней молятся березы,
Ждут они тревожно чуда по утрам.
Чудо не приходит – снова льются слезы
И катятся тихо, тихо по ветвям.

(Сибирский студент ¹¹. 1915. № 3–4. С. 1)

---

¹¹ «Сибирский студент» – ежемесячный журнал, г. Томск, издавался в период с 1914 по 1916 г.

НОЧЬ НА ОСТРОВЕ ОБИ

Костер почти потух. Таинственные тени
Откинулись кругом, и в шорохе листов
То вздохи слышатся, то жалобы и пени,
То тихий, стройный хор поющих голосов.
Красавцы тополя с черемухой томной
Переплели свои серебристые листы.
И группой странною, причудливой и темной
Раскинулись внизу смородины кусты.
У самого костра измятой ежевики
Полусгоревший куст. Далеко за рекой
Кричит пугач, и стонущие крики
Звучат надрывною, мучительной тоской.

Спускаюсь к берегу. У ног моих вздыхает
Красавица река сквозь чуткий, легкий сон.
Лучами яркими, дрожащими сверкает
Весь полный звездами далекий небосклон.
Нарушив тишину, на миг блеснув огнями,
Близ берега прошел буксирный пароход.
И снова все молчит. Лишь легкими волнами
Вздыхает тихо грудь спокойных, темных вод.
(Сибирский студент. 1916. № 5. С. 28)

* * *

Причудливо вьются лесные тропинки,
Угрюмые сосны построились в ряд.
На иглах колючих, как слезы, росинки
Под солнечной лаской алмазом горят.
Мошок прошлогодний хрустит под ногою,
Брусника упругая в полном цвету.
Две старые сосны, согнувшись дугою,
Упрямо стремятся взглянуть в высоту.
В овраге лесном полутемно, прохладно,
Меж веток чуть видна небес синева.
Грудь дышит свободно, глубоко и жадно,
И манит на отдых густая трава.
(Сибирский студент. 1916. № 5. С. 28)

* * *

По лесу глухому, по тернам колючим,
Усталые люди идут.
Те люди, что верили силам кипучим...
Найдут ли скитальцы приют?
Изранены ноги, изорвано платье...
Кровавая вьется стезя.
Их слезы так жгучи, так страстны проклятья,
Ужель отдохнуть им нельзя?

На грубых руках застарели мозоли...
Их гордое сердце в крови,
Их речи полны и страданья, и боли...
Иль нет им участия, иль нет им любви?
Идут истомленные болью безвестной,
Идут с безответной тоской...
О, Боже! Пролей благодати небесной,
Пошли им, усталым, покой!
(Единство¹². 1918. № 73, 26 сент. С. 3)

* * *

В мой бедный уголок пробрался луч заката,
И, ярким пламенем его озарена,
Я вспомнила о бывшем там... когда-то...
В прекрасные былые времена.
Шумел сосновый лес. На склоне согры¹³ старой
Лежала я лицом к лицу зари...
И сердца трепетно тревожные удары
Твердили мне: любви, молчи, гори.
Прошли года с тех пор, и в тихий час заката,
Под ярким пламенем сверкающей зари
Я вспоминаю вновь, священное когда-то –
Завет любви: любви, молчи, гори.
(Единство. 1918. № 138, 15 дек. С. 3)

ПАМЯТИ И. С. ТУРГЕНЕВА

Служитель чистой красоты,
Певец великих порываний.
И нежно-ласковой мечты
И скрытых глубоко страданий –
Твои творенья – дивный сон,
Увы! Уже полузабытый.
Твой храм – невежеством смятен,
Твой идеал лежит разбитый.
О, где вы, женщины-цветы,
С душою ясной и невинной,
Вы идеалы красоты,
Оазисы в степи пустынной?

---

¹² «Единство» – газета, «беспартийная, общественно-политическая и кооперативная», г. Петропавловск Акмолинской обл., издавалась в период с 1918 по 1919 г.

¹³ Сóгра – заболоченная местность или поросль на болоте. Всеволод Иванов и Антон Сорокин издавали в Омске газету «Согры», единственный сохранившийся выпуск которой вышел в свет 15 апреля 1918 г. См.: ГАНО. Ф. Р-272. Оп. 1. Д. 211. Л. 15.

Ваш образ нами позабыт,
Мы новый идеал создали,
Он ближе – идеал Лилит.
Ему мы наш восторг воздали.

На что нам образы любви,
Любви далекой, слишком чистой?
Мы любим бунт в своей крови,
И нас не манит путь тернистый.

Пред нами путь – широкий путь
Греха и крови, и обмана –
И легче дышит наша грудь
В парах разгульного тумана.

И в юбилей тебе, певец,
Не принесем мы роз душистых.
Но у тебя есть свой венец
Из грез и сновидений чистых.
(Единство. 1918. № 109, 10 нояб. С. 3)

СОН

Мне снился сон... Прекрасный, дивный сон.
Нет, он не звуками, не красками богат,
Он прост, как швейки будничные наряд,
Как утро осени, однообразен он.
Мне снилось... снилась комнатка моя,
Такая бедная, простая, как всегда,
И сумерки. Вечерняя звезда
Бросала луч свой бледный на меня.
И ты со мною, ты, гитара чуть звенит...
Так прост, так будничен наш тихий разговор.
Но для меня одной огнем горит твой взор,
Твой голос для меня одной звучит.
И ты сказал мне: «милая моя»,
И ты еще сказал: «люблю тебя одну...»
И вновь я слушала ночную тишину,
К твоим коленям голову склоня.
Создание большой моей мечты,
Моих надежд заветных дивный сон!
Мне снились сумерки, гитары тихий звон
И ты.

(Единство. 1918. № 121, 24 нояб. С. 3)

* * *

Я люблю тишину и потемки.
Прилетают красивые сны:

Очертанья и краски их тоны¹⁴
И загадкою неги полны.
Рассыпая узорные блики,
Пролетает цветной хоровод,
И о счастья кто-то великий
Над моим изголовьем поет.
(Единство. 1918. № 127, 1 дек. С. 3)

КУКУШКИНЫ БАШМАЧКИ

Горевала кукушечка, плакала:
«Наказал Ты меня, Боже-Господи.
Не велел Ты мне вить тепла гнездышка.
Осудил быть весь век неприютною.
Ой, несчастная я, горемычная.
Как настанут холодные ноченьки,
Зябнут лапки кукушечьи бедные
И погреть мне их негде, о Господи.
Сжался, Боже, прости меня, глупую,
Разрешите мне свить гнездышко теплое,
Там в ненастную ночь я угреюся,
Там я спрячусь от ветра, от дождика».
Взговорит ей в ответ Боже-Господи:
«Не сменю своего Я решения,
Не позволю я вить тепла гнездышка.
Не пущу Я тебя, бездомовницу,
Но за слезы, раскаянье чистое,
Объявлю свою милость великую:
Там, где канули слезы горячие,
Из земли пусть цветочки поднимутся.
Башмачками нарядными, цветными
Пусть растут по лесам, по болотинам.
В них ты грей свои ноги озябшие,
Надевай ты их в ночи холодные».
И взрасли из земли тотчас цветики,
И растут с этих пор, и красуются.
Называются цветики «слезками»,
А еще – «башмачками» кукушечки.
(Единство. 1918. № 132, 8 дек. С. 3)

* * *

Я случайная гостья земли,
Я душою от вас далека,
Но влачу мои крылья в пыли,
И в душе и огонь, и тоска.

---

¹⁴ Так в газетной публикации. Несомненный результат ошибки типографского набора, и слово «тоны» следует читать как «тонки» (или «томны»).

Лишь порою, забывшись на миг,
Стану близкою миру людей,
И понятен им станет язык
Неизведанных ими страстей.

Но проходит мгновенье, и вновь
Между мной и другими стена.
И, скрывая тоску и любовь,
Меж чужими брожу я одна.
(Единство. 1918. № 132, 8 дек. С. 3)

МАСКАРАД

Весело и шумно в зале маскарада,
Все так беззаботно-радостны на вид.
Здесь цыганка блещет роскошью наряда,
Капуцин за полькой пристально следит.
Здесь паяц вертится, весело кривляясь,
Сыплет прибаутки, колет и острит.
Стройная испанка, станом изгибаясь,
Веером играя, с турком говорит.
Мелодично-плавно льются вальса звуки,
Пары по паркету медленно скользят.
Здесь сплелись в пожатьи страстно-нежном руки,
Здесь в ответ на шутку блещет злобный взгляд.
Вдруг движенье, шепот. Маска пред толпою.
Все с тоской и страхом на нее глядят:
Ласточкой одета, крылья за спиною,
Очи голубые огоньком горят.
Музыка умолкла – и столпились пары,
Перед странной маской потупляя взор,
Только слышны сердца быстрые удары,
И в тиши раздался роковой укор:
«Я пришла напомнить прожитые годы,
Клятвы и обеты, слышанные мной,
Что давались вами прежде, в дни невзгоды,
И теперь забыты праздною душой.
Я пришла напомнить...
...Ты, паяц беспечный,
Ты давно ли руки чьи-то целовал
И клялся в любви, и клялся в дружбе вечной...
Где ж теперь твой гений, где твой идеал?
Там, в снегах Сибири, бедное селенье,
Степь вокруг немая мертвая лежит, –
Там твой светлый ангел гибнет в заточеньи
И с тоской глубокой из окна глядит.
Ночью слышен шепот, полный жгучей муки:
“Нет, я верю, милый! Нет, ты отомстишь...”
И она рыдает, заломивши руки... –
Ты же здесь танцуешь, весело остришь!
...Ты, моя испанка. Ты давно ль рыдала
Над могилой брата, павшего в борьбе,

И в безумье муки землю целовала,
Отомстить убийцам ты клялась себе.
Где же эти клятвы? Поросла травой
Свежая могила, отцвели цветы –
Образ брата скрылся дымной пеленою,
И опять смеешься, позабывшись, ты.
А не ты ль твердила: “Нет ему покоя,
Лишь мое отмщенье даст покойный сон”?
И сбылось: витает призрак над тобою,
Исполненья клятвы ожидает он.
...Мой любимец прежний, капуцин печальный!
Ты давно ль о счастье всех людей мечтал?
Звал в стихах красивых в мир свой идеальный,
На врагов народа острый меч ковал?
Что же вдруг умолк ты? Где же эти грезы,
Где огонь бывалый, зажигающий грудь,
Над чужой бедою искренние слезы?
Рано ты покинул свой тернистый путь.
Ты пошел обычной торною дорогой,
Заклеймив насмешкой юности богов,
Ты даришь презренье стороне убогой
И народ трактуешь, как толпу рабов.
...Ах, ты здесь, цыганка! Помнишь ли, как в школе,
Ты томилась жаждой жертвы за людей,
Гибнущих бесцельно, гибнущих в неволе
Под немолчный грохот пушек и цепей?
Все давно забыто. Замуж по расчету,
Вышла ты, стряхнувши убежденья с плеч,
И живешь, лелея лишь одну заботу:
Как бы дальше свежесть юную сберечь.
Все былые грезы, чистые стремленья
Вам теперь далеки, странны и чужды.
Что вам до чужого горя и мученья,
До страданий жгучих, тягостной нужды,
Что вам до бродящих в холод без приюта?
До изнеможенных жизнью трудовой?
Весело живется вам в тепле приюта,
Сладостна дремота под осенний вой...
Только... спит ли сердце? Или с сожаленьем,
Оглянувшись, бьется горькою тоской?
Или в самом деле с смехом и презреньем
Вы давно махнули на добро рукой?
Отвечайте прямо!» –
Но в ответ на это
Только стон раздался, долгий тяжкий стон.
Но еще какого было ждать ответа?
Ласточка исчезла, словно легкий сон.
Снова шум, движенье в зале маскарада,
И опять веселье бурное кипит.
Капуцин от польки не отводит взгляда,
Стройная испанка с турком говорит.

Кто же эта маска? – Сонное виденье,
Бред больного мозга, бред души моей?
Или же открылась на одно мгновенье
Мне больная совесть этих всех людей?
(Единство. 1918. № 143, 22 дек. С. 3)

* * *

Загораются зори и гаснут в тумане.
Звезды спрятались в полог густых облаков,
И, не веря призывам ласкающих снов,
Шепчет разум о грозном, жестоком обмане.
Шепот сказки не слышен среди вечного гула...
Больно сердцу. Туман застилает глаза,
Обжигая лицо мне, скатилась слеза...
Умирает ли сказка иль только заснула?
Сказка, дивная сказка, открой свои очи,
Заповедное слово в тиши прошепчи.
И зажгутся в груди золотые лучи,
И отступят кровавые призраки ночи.
(Единство. 1919. № 170, 30 янв. С. 3)

* * *

Не тоскуй, не горюй обо мне, мой родной,
Я иду не в неведомый путь:
Загорается день над несчастной страной,
Время правде в глаза заглянуть.
Я иду проторенной широкой тропой
Сильных верой и правдой сердец.
Я иду не одна, а с народной волной,
Где любой – и дитя и борец.
О, взгляни, мой родной, как все мрачно вокруг,
Как и жить и дышать тяжело.
В каждой совести мрачный гнездится недуг,
В каждом сердце под маскою зло.
Счастлив тот, кто сумел осознать эту боль,
Кто с собой в непрерывном бою
Подавил навсегда миллионами волю
Злокорыстную волю свою.
И одна, без тебя, жизнь и волю свою
Отдаю я другим навсегда.
Сладки гордые песни грядущему дню,
Хороша заревая звезда.
Не жалею обо мне. Я живу, я горю.
Только этим и жизнь хороша.
Среди ночи кровавую утра зарю
Угадала и славит душа.
(Единство. 1919. № 181, 12 февр. С. 3)

ОСИНА

Звуки томные, звуки неясные
Наполняют проснувшийся лес.
Улыбаются дали прекрасные,
Зорька светит с далеких небес.
Сказка ночи уходит с улыбкою,
Унося тихий шелест и мглу,
Проскользнув под осинкою гибкою,
Задевает ее по стволу.
И осинка с тревогою страстною
Целый день шелестит и дрожит,
Бредит сказки улыбкой прекрасною
И о ней без конца говорит.
(Единство. 1919. № 251, 17 мая. С. 3)

НАСТРОЕНИЕ

Кротко с ясного неба светила луна,
Звезды ласковым светом мерцали.
И шептала усталой душе тишина:
«Позабудь о бывалой печали».
Замирала тоска в наболевшей груди,
Стоны горя и муки стихали.
И тянуло далеко-далеко уйти
В неизвестные светлые дали.
(Единство. 1919. № 253, 20 мая. С. 3)

ПРИЗНАНИЕ

Я душистые травы сорву,
Прошепчу я заветное слово
И тебя хоть на миг призову,
Чтоб «люблю» повторить тебе снова.
Для тебя я слова берегу,
Что сказала тогда пред зарею
На пустынном глухом берегу,
Над спокойной и сонной водою.
Только чайки слышали их,
Только ветер увидел улыбку,
И умолк незаписанный стих
Над водою обманчиво-зыбкой.
Я волшебные травы сорву,
И под дымкой густого тумана
Хоть на миг, но тебя призову
Вновь на берег пустой котлована.
(Единство. 1919. № 257, 24 мая. С. 3)

ЮГ И СЕВЕР

Жизнерадостная, яркая, но чужая красота...
Не по ней томится жаркая, беспокойная мечта.
Нет! Родное и знакомое больше сердцу говорит.
О, как мил мне заболоченной и пустынной речки вид!
Над водой кусты черемухи, хмель на ветках перевит,
Запах тины, хмеля спелого сладко голову кружит.
Иль сосенка одинокая, а над нею ширь небес,
Иль заснувший в грезах прошлого, необъятный, темный лес.
Сколько тайн здесь похоронено, сколько призрачных чудес!
Все их бережно и ревностно охраняет тихий лес.
Там, на юге, пальмы, кактусы, раздушистые кусты –
У моей холодной родины есть прекрасные цветы:
Есть в лесах сосновых ирисы, золотые огоньки,
Даже ночью словно светятся эти яркие цветки.
Есть лиловые, печальные колокольчики в степях
И «кукушки слезки» пестрые на болотах, в низинах.
На межах растет, красуется здесь горошек полевой,
И березка одинокая мне кивает головой.
В каждом звуке все привычное, все знакомое ловлю,
Все мне близко, все мне радостно, все я знаю и люблю.
На далеких, солнцем залитых, полных жизнью берегах,
Я бы грезила, печальная, о покинутых степях.
Пальмы стройные заменят ли мне любимицу – сосну,
Говор моря неумолчного – степи синей тишину?
(Наша Заря¹⁵. 1919. № 93, 4 мая. С. 2)

ОГОНЬКИ

На столике моем увяла хризантема,
Но в сердце вновь расцвел блестящий огонек,
Далекой родины прекрасная эмблема,
Любимый мой, чарующий цветок.
Безлунными июньскими ночами
В родных лесах я огоньки рвала.
Была бессильна для борьбы с цветами,
С их яркой краскою душистой ночи мгла.
И ты, о Родина, через века позора,
Сияешь для меня таким же огоньком.
И утро твоего не затуманит зора,
Прекрасней встанешь ты в сиянии дневном.
(Наша Заря. 1919. № 113, 29 мая. С. 2)

* * *

Где мой мир заветный,
Где покой найду?

---

¹⁵ «Наша Заря» – ежедневная газета, «орган демократической государственной мысли», г. Омск, издавалась в период с 1918 по 1919 г.

Жду с тоской тревожной,
Много лет я жду.
Жду, ищу покоя,
Счастья жду давно.
Истомилось сердце,
На душе темно.
Где же ты? Откликнись,
Счастье мое!
Чтоб забилося сердце,
Радостью полно,
Чтобы улыбнуться
Песенке в ответ,
Чтобы показался
Милым Божий свет.

(Наша Заря. 1919. № 119, 6 июня. С. 1)

* * *

Расцветают в вечном небе
Алые цветы,
Пробуждая в сердце юном
Алые мечты.
Облетают в непогоду
Пышных роз цветы,
И бледнеют в годы горя
Алые мечты.
Эхо горя стонет в песне –
Гимне красоты.
Это вянут, облетают
Алые цветы.

(Наша Заря. 1919. № 119, 6 июня. С. 1)

К ТРУДУ

Грозой разбиты рабства цепи,
Свобода женщине дана,
Но предрассудков темных крепи
Еще не сбросила она.
Еще скрывается глубоко
В ее душе привычный страх,
И к жизни новой и широкой
Она боится сделать шаг.
Назад – там тьма, тоска и горе,
Там цепи рабства и нужда,
А впереди – бушует море
Свободы, творчества, труда.
Пора встряхнуть оцепененье!
На новый труд, отрадный труд,
На светлый праздник возрожденья
Тебя товарищи зовут.

Туда, где жизни новой здание
Растет, туда иди смелей
На труд великий созиданья
Во имя счастья детей.
(Красноярский рабочий ¹⁶. 1920. № 102, 16 мая. С. 4)

* * *

За нами – прошлого изжитые печали,
Немая скорбь измученной рабы.
Пред нами – будущего огненные дали –
Путь вольного труда и радостной борьбы.
В минувшем – песни, полные тоскою,
Бесправье, гнет, попреки и нужда.
А в будущем – любовь, борьба, рука с рукою
Под светлый гимн свободы и труда.
Там, в прошлом, мрачный ад
С его кошмарной жизнью.
Здесь путь прямой, но трудный, в светлый рай.
О, женщина! За мной на перепутье
И выбирай!
(Красноярский рабочий. 1921. № 39, 24 февр. С. 4)

МЕЩАНЕ

Искреннее чувство заклеить презреньем,
Осмеять надежду, осквернить любовь,
Обмануть приветом, лаской, сожаленьем,
Чтоб потом вернее насмеяться вновь –

Вот их наслажденье. Чуждые святого,
Искреннего чувства, чуждые мечте,
Погрузившись в тину мелочно-земного,
Вьют венок терновый юной красоте.

Узки их стремленья, их запросы к жизни,
Царствует мещанство в узеньких умах.
Много накопилось их в моей отчизне,
Много приютилось их во всех щелях.

Заражают воздух гаденьким дыханьем,
Подрезают крылья молодых надежд,
Заражают ужас в трепетном сознанье,
Малодушный ужас пред судом невежд.
(Красноярский рабочий. 1922. № 90, 25 апр. С. 2)

---

¹⁶ «Красноярский рабочий» – газета, создана как орган печати Енисейского губернского комитета Российской коммунистической партии (большевиков) и Енисейского губернского исполкома, г. Красноярск. Издается с 1905 г. по настоящее время (с перерывами).

ЛЕНСКИЙ РАССТРЕЛ

Кто смеет говорить о примирении?
Кто смеет говорить о соглашательстве?
Смерть изнемогших в лишениях –
Лучшее за нас доказательство.
Шли они с сердцами открытыми,
Шли они тихо, безоружные,
Шли голодные говорить с сытыми,
Юные и старые, бодрые и недужные.
Их свинцовыми поклонами встретили,
Обожгли огнем груди открытые.
Все равно – юноши, старики, дети ли, –
Все рядами полегли убитые.
Прошли года, пройдут еще столетия –
Не забудутся на Лене павшие.
Они и для нас пути борьбы наметили,
Наши товарищи, правды искавшие.
Не может быть мира, немислимо соглашение
Между врагами, Трудом и Капиталом.
Вечная память погибшим на Лене!
Да здравствует борьба под знаменем алым!
(Красноярский рабочий. 1922. № 85, 15–17 апр. С. 3)

ДЕЛЕГАТКЕ

Перед собранием смущенная стояла
И теребила кисти у платка.
А в сердце трепетно вбивалось страха жало,
И вздрагивала смуглая рука.
«Я – делегатка? Я? Да что же я сумею?
Что я скажу? Охают... осмеют...»
Но что-то смелое вставало перед нею,
И это было – ожидавший труд.
«Учиться?.. Что ж... попробую... быть может...
Работать надо... Так велел Ильич...»
И вот сомненья больше не тревожат,
И не пугает злой насмешки бич.
И кто посмеет? Может быть, вот эта –
С накрашенными губками, в шелках?
Так пусть! Ведь впереди так много света!
А для работы – хватит сил в руках.
Работать надо. День и ночь учиться.
Быть делегаткою – помощницей в труде
Тем, чьи суровые, прокопченные лица
Остро отточены в заботах и нужде.
Спасибо тем, кто выбрал делегаткой.
Открылся путь широкий перед ней.
И в ВКП активной кандидаткой
Она работой красит будни дней.
(Красноярский рабочий. 1926. № 244, 26 окт. С. 2)

СКАЗКА

Бывают сны, похожие на жизнь.
И есть жизни, похожие на сон.
На сон походила его жизнь, и на сказку – любовь.
Молод и прекрасен был он.
Как весеннее небо, прозрачны и ясны были его глаза.
Она была хрупка, бледна и воздушна.
Жуткая тайна пряталась в ее глазах.
И, казалось, вся она была соткана из тьмы и света.
Когда подходила она к нему, сгибая свой стан как былинка, восторг загорался
в его очах.
Он вставал на колени пред нею, целовал ее платье и говорил ей о своей любви.
Молча смотрела она вдаль и странно улыбалась.
И, положив на плечо его бледную руку, говорила тихо:
«Спой мне».
Он пел для нее грустные, нежные песни, каких не певали другие.
Загорались темные очи, вздрагивало хрупкое тело, и тянулись к нему бледные
руки.
Она ласкала его и уходила прочь, непонятная и жуткая.
И сказал он однажды:
«Ты не любишь меня».
«Не люблю. Я люблю только твои песни».
«Кого же ты любишь? Не того ли, чье имя ты шепчешь порою, бледная?»
«Да.»
«Но его уже нет.»
«За это я и люблю его.»
«Что же сделать мне, чтобы и меня ты полюбила?..»
«Умри, как он.»
И умер прекрасный, и умерли с ним его песни, каких не певали другие.
А она бледная, нежная и грустная осталась жить. Тенью бродила она меж
людей и жуткая тайна пряталась в темных очах.
И смерть стерегла – не заглянет ли кто в эти очи?
(Красноярский рабочий. 1921, № 48, 6 марта. С. 3)

Дополнение

Кондратий Худяков

* * *

Н. Аркадиной

Разве ты не чуешь
Мировую душу,
Когда ветер шепчет
Сказку ночи в уши?..

Посмотри, как светят
Ярко звезды в небе! –
Ты же все горюешь
О насущном хлебе.

Посмотри, как месяц
Тихо всплыл над миром! –
Ты все горько плачешь
И грустишь по милом...

Я не верю песне,
Что звезде поется:
«То, что в жизни было –
Больше не вернется!».

И тебе не верю, –
Что ничтожны люди...
И что счастья в жизни
Для тебя не будет.

Не горюй, не сетуй –
Жизнь всегда и всюду.
Верь в любовь и счастье,
И случится чудо!..
(г. Курган. 1916)¹⁷

Предисловие *Е. В. Капинос*
подготовка к публикации *Е. Э. Худницкой* и *А. В. Ульверта*

Список литературы

Здобнов Н. В. Материалы для сибирского словаря писателей (предварительный список поэтов, беллетристов, драматургов и критиков). М.: Мосполиграф, 1927. 62 с. (Приложение к журналу «Северная Азия»)

Петряев Е. Д. Псевдонимы литераторов-сибиряков (материалы к истории русской литературы Сибири). Новосибирск: Наука, 1973. 74 с.

Подберезкина Л. З. Язык столбистов // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 86–96.

Архивные материалы

Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-272 [Н. Н. Яновский]. Оп. 1. Д. 347 [*Кондратий Худяков*. Красные цветы. Сборник стихов. Составление автора. Вступительная статья и примечания к текстам В. П. Тимофеева. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд.-во, 1977 <Машинопись>].

---

¹⁷ ГАНО. Ф. Р-272 [Н. Н. Яновский]. Оп. 1. Д. 347. Л. 41–42.

E. V. Kapinos¹, E. E. Khudnitskaya¹, A. V. Ulvert²

¹ *Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

² *Independent Researcher
Krasnoyarsk, Russian Federation*

**Nina Arkadina (A. K. Fefelova)
The Poems of the 1910–1920s
(The Publication on the Materials of the Siberian Press)**

The publication is the selection of the poems by the forgotten Siberian poetess Anna Konstantinovna Fefelova, who is under the pseudonym N. Arkadina or Nina Arkadina was published in the 1910–1920s in the newspapers and magazines “Voice of the Urals” (Chelyabinsk), “Siberian Dawn” (Barnaul), “Siberian Life” (Tomsk), “Siberian Student” (Tomsk), “Unity” (Petropavlovsk), “Our Dawn” (Omsk), “Krasnoyarsk Worker”. The selection was made for the publications stored in the archives and libraries of Siberia, and includes about 40 texts of various subjects. The foreword provides a brief reference about Fefelova’s biography, the poetess’ biography has not been studied in more detail yet, but research in this direction is being conducted in the Krasnoyarsk Regional Local History Museum. Arkadina’s landscape, meditation and populist lyrics collected here continue the traditions of Nekrasov and Russian classics of the 19th century.

Keywords: forgotten poets, poets of the 1910–1920s, Anna Konstantinovna Fefelova (Arkadina), Siberian periodicals, Krasnoyarsk Regional Local History Museum.

References

Zdobnov N. V. *Materialy dlya sibirskogo slovarya pisateley (Predvaritel’nyy spisok poetov, belletristov, dramaturgov i kritikov)* [Materials for the Siberian Dictionary of Writers (Preliminary List of Poets, Fiction Writers, Playwrights and Critics)]. Moscow, Mospoligraf Publ., 1927, 62 p. (in Russ.)

Petryayev E. D. *Pseudonimy literatorov-sibiryakov (Materialy k Istorii russkoy literatury Sibiri)* [Aliases of Siberian writers (Materials for the History of Russian literature of Siberia)]. Novosibirsk, Nauka, 1973, 74 p. (in Russ.)

Podberezkina L. Z. *Yazyk stolbistov* [Columnist language]. In: *Yazyk i lichnost’* [Language and Personality]. Moscow, Nauka, 1989, p. 86–96. (in Russ.)

Archival Materials

Khudyakov Kondratiy. *Krasnye tsvety. Sbornik stikhov. Sostavlenie avtora. Vstupitel’naya stat’ya i primechaniya k tekstam V. P. Timofeeva* [Red flowers. Collection of poems. Compilation of the author. Introductory article and notes to the texts of V. P. Timofeeva]. Chelyabinsk, South Ural Book Publishing House, 1977. Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti (GANO) [State Archive of the Novosibirsk Region (SANR). Manuscript 272. Register 1. Archiving 347].

Elena V. Kapinos – Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; dzerv@mail.ru)

Elena E. Khudnitskaya – Candidate of Philology, Leading Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; Ekhudnitskaya@list.ru)

Aleksandr V. Ulvert – Independent Researcher (Krasnoyarsk, Russian Federation; ulvert1978@gmail.com)